

УДК 398.3

DOI: 10.17223/19986645/60/11

В.С. Кузнецова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЮЖЕТА О МАРКО БОГАТОМ (AaTh 930) В СИБИРСКОМ БЫТОВАНИИ

Представлены результаты анализа восточнославянских сибирских записей (как опубликованных, так и архивных) фольклорного сюжета о Марко Богатом (AaTh 930) в сравнении с рассмотренными нами ранее вариантами подобных повествований европейской территории исторической России. Установлено, что наряду с общими для восточнославянской традиции сюжетными формами таких рассказов в сибирских текстах присутствуют особые версии указанного сюжета, ставшие результатом смешения фольклорных традиций в условиях сибирского бытования.

Ключевые слова: восточнославянский фольклор, легенды о судьбе, предопределение судьбы, сибирские тексты.

Народные повествования о Марко Богатом – богачу предсказано, что его наследником и зятем станет сын бедняка; богач безуспешно пытается его погубить; предсказание сбывается – принадлежит к числу очень популярных и признаются древними по происхождению¹. В указателях фольклорной прозы этот сюжет помещен в разделе сказок о судьбе (AaTh 930; СУС 930=461) [3, 4]. В Сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки (СУС) он учтен в вариантах русских, украинских, белорусских. На территории Европейской России сказка распространена повсеместно, записана во многих вариантах, к числу популярных принадлежит она и в Сибири. Рассмотрение форм бытования фольклорных повествований с этим сюжетом на территории Сибири является целью данной статьи.

Известные в восточнославянских фольклорных собраниях рассказы о богатом Марко – многоэпизодны. Вводный фрагмент этих повествований, источники и происхождение которого были уже для нас ранее предметом специального рассмотрения [5, 6], связан с предсказанием судьбы и в восточнославянской традиции представлен двумя разновидностями. Одна из них была определена Н.Ф. Сумцовым как «легенда о Христе в гостях у мужика» [7. С. 10]. Она рассказывает о том, как богатый Марко, ожидавший в гости Бога, не узнал Христа, пришедшего к нему под видом бедного старичка, и не пустил его в свой дом. Христос переночевал в доме бедняка, и тот ночью слышал, как прилетевший ангел спрашивал странника о том, какую судьбу-долю дать родившемуся этой ночью в бедной семье мальчику, и как Господь решил, чтобы этот ребенок унаследовал богатства Мар-

¹ Такая оценка была высказана еще А.Н. Афанасьевым [1. С. 338], о сюжете подробнее см.: [2. С. 453].

ко. Вариант такого «зачина» в повествовании о Марко Богатом находим, например, в начальной части рассказа, помещенного в классическом собрании легенд – в сборнике А.Н. Афанасьева (№ 4 предисл.) с пометой: «из собрания В.И. Даля» [8. С. XXVI–XXVII] и в его же собрании сказок в тексте № 305 [2. С. 346]. Согласно другой версии вводного эпизода не Христос просится к Марко на ночлег, а сам Марко, находясь в пути, останавливается на ночлег в доме, где уже есть «постоялец» – странствующий нищий старичок, которым оказывается Иисус Христос. Далее, как и в первом случае, следует рассказ о том, что ночью к Христу прилетает ангел, и Марко, подслушав их разговор, узнает о судьбе, предсказанной сыну бедняка. Такая версия эпизода, получившая название «Марко на ночлеге», представлена, например, в опубликованной в собрании А.Н. Афанасьева сказке № 306 [Там же. С. 350.] Обе указанные разновидности начального эпизода в фольклорных повествованиях о Марко Богатом восходят к народным верованиям славян в предопределение судьбы и связаны с представлениями о суденицах (судженицах) – мифологических существах женского пола, определяющих судьбу ребенка при его рождении¹.

После вводного фрагмента следуют эпизоды, рассказывающие о попытках богатого Марко известить ребенка, которому предсказано стать нежеланным для него наследником. Набор этих последующих эпизодов, которые могут входить в состав восточнославянских повествований о Марко Богатом, таков. За вступительным фрагментом (1) следует рассказ о первой попытке Марко известить нежеланного для него наследника, который для краткости можно назвать «лес» (2): Марко находит и заполучает новорожденного, а затем бросает его в поле, чаще – в лесу: в овраг / в сугроб / под деревом / в дупле; ребенка находят и спасают лесник / охотник / проезжавшие мимо купцы, см., например, [8. С. XXVIII; 7. С. 346–347, 350]. Вторая попытка погубить наследника – «бочка – монастырь» (3): богатый Марко, узнав, что ребенок жив, выкупает его у приёмных родителей, запечатывает в бочку и бросает в море / в реку; волной бочку прибывает к берегу рядом с монастырем, монахи спасли и воспитали мальчика, пример [2. С. 347]. Третья попытка – «письмо» (4): некоторое время спустя Марко забирает юношу из монастыря будто бы для того, чтобы сделать своим помощником; посылает к жене с письмом, в котором велит доставившего письмо убить; по дороге встреченный юношей старичок (Бог / Христос в облике старичка, святой) меняет содержание письма – юношу не казнят, а венчают с дочерью Марко, см. например, [8. С. XXVIII; 2. С. 347–348, 350–351]. Четвертая попытка – «царь Змий» (5): Марко посылает нежеланного зятя к царю Змию / Идолищу-людоеду или Богу, чтобы получить дань / долг / письмо / ответ на вопрос; по дороге происходят встречи героя с чудесными персонажами, которые терпят различные мучения (дуб, кит-рыба,

¹ О фольклорных представлениях, связанных с суденицами, см.: [9, 10]; о сюжетах поверий, связанных с предопределением судьбы, и их мифологических основах у славян [11, 12].

перевозчик и др.), каждый из них просит узнать у Змия, когда эти их муки кончатся. Молодому человеку помогает мать / жена Змия, и он, выполнив поручение, благополучно возвращается, а когда в путь отправляется сам Марко, то не возвращается, так как становится вечным перевозчиком через реку [2. № 305. С. 348–350]. Еще одна попытка Марко погубить предопределенного ему наследника – «завод» (6): Марко посылает зятя ночью на свой завод (чугунный, мыловаренный, пивоваренный, салотопню и др.), заранее приказав рабочим убить его (бросить в котел / в огонь); зять по дороге задерживается / его не пускает жена; Марко же, которому не терпится удостовериться, что его поручение выполнено, сам отправляется на завод; неузнанный, он брошен в котел и гибнет, а юноша, как было предсказано, наследует его богатство [Там же. № 306. С. 351; 8. № 4 (предисл.). С. XXVIII–XXIX]. Полного набора перечисленных эпизодов не содержит, как правило, ни один из текстов. В качестве, условно говоря, обязательных эпизодов повествования можно назвать эпизоды «лес» (2) и «письмо» (4) – они отмечаются почти во всех вариантах. Присутствие других фрагментов в сюжете вариативно, но характеризуется при этом определенной сочетаемостью составляющих повествование эпизодов. В зависимости от того, как сочетаются эпизоды в текстах, выделяются две разновидности сюжета¹. В текстах первой разновидности присутствует эпизод о путешествии к «царю Змию» (5) с описанием чудесных встреч героя во время этого путешествия, причем многие тексты с рассказом о путешествии к Змею как обязательный включают и эпизод «бочка» (3) – о попытке извести нежеланного наследника, пустив его в бочке по морю, а также о монастыре, где вырос спасенный монахами мальчик, например [Там же. № 305]. Варианты этой версии *не* знают эпизода о попытке сжечь юношу в топке принадлежащего Марко завода (6). Примером этой разновидности сюжета является текст № 305 афанасьевского собрания сказок [Там же]. Другая разновидность легендарного типа сюжета о Марко Богатом – «От судьбы не уйдешь» – содержит эпизод о заводе (6), эпизода же путешествия к Змею в них нет (хотя эпизод «бочка» в некоторых из них отмечается). Такая разновидность сюжета представлена, например, в тексте № 306 из собрания сказок А.Н. Афанасьева [Там же], в его собрании легенд [8. № 4 (предисл.)]. Важно, что заключительные эпизоды в двух разновидностях сюжета – «завод» в одном случае (когда богатый Марко гибнет на заводе) и «путешествие к Змею» в другом (когда Марко остается вечным перевозчиком на реке) функционально являются взаимоисключающими: оба эпизода завершаются устранением Марко, в результате юноша, как и было предсказано, наследует его богатства; присутствие *двух* таких эпизодов в одном повествовании избыточно и просто невозможно.

Варианты начального эпизода, представленные в восточнославянских повествованиях о Марко Богатом, напомним, двумя формами – «Марко на

¹ Подробно сюжетные разновидности народных повествований о Марко Богатом в восточно- и южнославянской традициях рассмотрены нами в отдельной публикации: [13].

ночлеге» и «легенда о Христе» – по-разному сочетаются с выделенными разновидностями этого сюжета. Начальный эпизод «Марко на ночлеге» сочетается только с разновидностью сюжета «от судьбы не уйдешь» [2. № 306], тогда как «легенда о Христе» может сочетаться и с разновидностью «от судьбы не уйдешь» [8. № 4 (предисл.)], и с разновидностью, содержащей эпизод о Змее, например [2. № 305].

В Сибири, как и на европейской территории исторической России, рассматриваемый сюжет принадлежит к числу популярных. Так, если отмеченные в СУС русские сибирские фиксации сюжета о Марко Богатом сравнительно немногочисленны, то в указателе сюжетного состава русских волшебнo-фантастических сказок Сибири учтено более 20 вариантов разного времени записи, которые представляют разные территории Сибири, см.: [14. С. 30–31], некоторые русские сибирские записи сюжета указаны также в работе [15. С. 57–58].

В сибирских текстах представлены обе известные в записях европейской территории России формы начального эпизода народных повествований о Марко Богатом. Так, развернутый вводный эпизод повествования с «легендой о Христе» находим в очень подробном рассказе, записанном Л.И. Дворяткиной в декабре 1981 г. в Новосибирске от Смакотиной Матрены Дмитриевны, 1893 г.р., проживавшей ранее в деревне Тюленёво (ныне Холодное) Сузунского района Новосибирской области:

Был да жил Марко Боуатый. Всей земли он один боуач был. Посулился к яму Иисус Христос в гости. Он чередился, готовился, ждал яво. Ждал яво и везде всё изукрасил, в этой, в комнате в своей в квартёре шелком, да серебром, да... настелил везде всякие ковры в квартёре и в этой в ограде, всё настелил ковры и ждал Иисуса Христа в гости. <...> Разостелат и подметат ишо это мятёлкой, ходит вот, всё ждёт Иисуса Христа в гости. Он идёт, Иисус Христос. Идут оне в гости. Он идёт с апостолами. И апостолы идут позади яво, он вперёд идёт. От так от дома, от дверей от квартёре до ворот всё это ковры настланы были. Он идёт, зашагнул Иисус Христос ногой за порог – он с мятлой да к яму, на яво: «Куды ты, – говорит, – идёшь, лапотон? Я Иисуса Христа в гости жду, видишь вот, а ты идёшь, лезешь на мои на ковры».

А у яво сестра жила рядом с им, бедная бедница. НастасИя звать было. Оне вернулись. Вернулись, зашли к этой к сестре и просят у ей начавать. Она говорит: «Я бы вас пустила, мои дорогие, дак у меня избушечка маленька, – говорит, – и покормить мне вас нечем, но места хватит», – говорит. Она их пустила. Оне зашли. Она разогрела чай им и положила краюшечку на стол. Говорит: «У меня всё – только хлебца-то одна краюшечка. Ладно, – говорит, – что господь послал». Вот она залезла на эти, на полати, глядит на их. Оне эту режут, режут краюшечку... Режут и едят, а хлеб не убывает, а прибывает. Она и говорит: «Гляди-ка, вот от люди не простые кто-то, – говорит, – оне». Вот оне поужинали, и она убрала это со стола.

Разостлала им это всё, чё есть, настлала оне, на пол лягли. Лежат. Спать лягли. Дванадцать апостолов на пол, а Иисус Христос на лавочку

ляг. И потом... А она на полати сама залезла. И прилетат в двенадцать часов анґел, и говорит, спрашивает: «Здесь, – говорит, – Иисус Христос опочаваает?» Он яму отвечает: «Здесь», – говорит. «Вот в таком-то, – говорит, – селе, в такой-то деревне у такой-то бедной бѣдницы, – говорит, – родился рябѣночек, – говорит, – ей завярнуть не в чаво яво. А как яво, – говорит, – окрестить? Как яму имя дать?» Он говорит: «Яму дать имя, – говорит, – Василий Несчастный, а владеть Марко Боуатого, – говорит, – боуатством и милой дочерью». (У няво, у Марка ишо Боуатого девочка, третий год было девочке). Владеть, говорит... И улетели. А Василий Несчастный – имя, а владеть Марко Боуатого дочерью и боуатством.

Вот утром встали, опять поели, покормила она их, оне ушли. Она приходит к брату, к Марко Боуатому, и говорит: «Чѣ, был у тебя Иисус Христос в гостях?» – «Нет, не был. Всѣ жду ишо, – говорит, не могу дожждаться». – «А он, наверно, – говорит, – у меня и был, – говорит, – вот. Ночавали у меня, – говорит, – вот тринадцать человек». У-ух, он на еѣ так ногами затопал, что, говорит: «Я... вон какое у меня – говорит, – боуатство, да красоту какую ишо навѣл. Жду яво, – говорит, – там всяко угошшенье и везде ковры, и ко мне не идѣт, а к тебе в землянку пришѣл бы он», – говорит. И расстрѣжилс над ей, над сестрой. Она яму и обсказала всѣ это похождение, как чѣ это было ночью. «Прилетал, – говорит, – вот наверно, анґел», – говорит. Вот так и так. «Он сказал яму, – говорит, – что рябѣночка окрестить у бедной бѣдницы, дать яму имя Василий Несчастный, и чтобы владеть боуатством всем Марка Боуатова и дочерью».

Он рассердилс и взял пошел домой, к своему это, кучеру, сказал: «Запрягай коня мне, вези меня в это село, где бедная бѣдница». (Яму надо яво уничтожить, этого мальчика). <...>. (По сделанной нами расшифровке архивной фонозаписи [Государственный архив Новосибирской области. Ф. М.Н. Мельникова (далее – ГАНО). Т-157]).

Другая разновидность «вводного» эпизода повествований о Марко Богатом – «Марко на ночлеге» – также зафиксирована в русских сибирских записях. Такой эпизод представлен, например, в начальной части повествования, записанного летом 1915 г. М.К. Азадовским в селе Челпаново на реке Куленге, притоке верхней Лены, от известной сибирской сказочницы Н.О. Винокуровой:

Жил-был в адной диревушке хрисьянин. Он был лосман. ПервеЮшший лосман был. Все ево багачи знали. Патом жана ево биремнна была в тягостЯх; в адно время к имЯ пришол человек прохожай, нишший, начивать. Начивать стал он праситца. А жана стала говареть: «Не надо. Я в тех порѣх хажу. Можит чо-либо случитца, неловко будит». А муж говарит: «Ну, глупая, дак што же, завсѣ бох. У нас есь андельная комната». Всѣ-таки пустили ани етова старичка.

Патом вечиром, как уж стемнело, приезжат купец. А етот купец – Марко богатый. Ну, канешно, как он образованный человек был, принимает его. Обхождение он знал, положил ево в переднюю комнату к заборочке, а нИшшево в задню, к той же заборочке. И легли спать. Той же ночью, у ето-

ва хазяина абъягнилась авца в хлеву. Принесла барана, и в ту же ночь жана сына радила у ево, как на фарт, на этих гостей.

Ну, патом, ночью Марка богатый слышит: нишший у дверей с кем-то шопчитца. А етот нишший был светой, только што ево не сазновали за светово, за нишшево сочли. И прилители к ему два ангела и тайный разговор ани шопчутца с етим стариком. А Марка багатый етот разговор слышит. «Вот што, господа, у етова хазяина абъягнилась авца. Етова егнёнка, каким наделить счастьем, штобы хазяин ему пользовался, аль пахИтитца он чем-набидь?» – «Пушай на волка растёт!» – «А вот мальчик у их же сёднишной ночИ родилса. Ево чем наделить?» А старичок сказал: «Ево наделите, етова мальчика, Марки багатова счастьем!» [16. С. 92].

Присутствуют в сибирских вариантах и обе известные в записях европейской территории России разновидности сюжета народных повествований о Марко Богатом. Так, сюжетную разновидность таких повествований с рассказом о путешествии к царю-Змею находим в вариантах: [17. № 362¹; Городцов 1906²; ГАНО. Т-157; 18. № 62³]. Сюжетная разновидность «от судьбы не уйдешь» представлена, например, в текстах: [19. № 34⁴; Зобнин 1892⁵; 20. С. 114–115⁶; ГАНО. 383⁷; ГАНО. Т-171⁸; 21. № 15; 22. № 13⁹].

¹ Записано в 90-х гг. XIX в. в слободе Усть-Ницынская Тюменского округа Тобольской губернии со слов крестьянки Н.С. Зобниной.

² Записал А.П. Городцов 2 ноября 1906 г. в деревне Артамоновой Тюменского уезда Тобольской губернии от Федора Леонтьевича Сазонова. Рукопись Российского государственного архива литературы и искусства (Москва), оп. 1, ед. хр. 181, л. 23–24.

³ Записано в 1976 г. в с. Знаменка Нерчинского района Забайкалья от Литвинцева Николая Ивановича, 83 лет.

⁴ Записал Вал. Ф. Булгаков в 1905 г. в с. Бердском Барнаульского уезда Томской губернии от крестьянина Шарина Степана Никитича. О рассказчике собирателем сообщено: «Лет 45 от роду. ...Занимается ремеслами бондаря и плотника. Очень часто уходит на работу в окрестные села и деревни. <...> Он не грамотен и очень жалеет об этом, иначе записал бы сам все сказки. К сожалению, я не могу сообщить о месте его рождения, но кажется, что он сибиряк» [19. С. V–VI].

⁵ Записал Ф. Зобнин в 1892 г. в г. Кургане Тобольской губернии. Рукопись Архива Русского географического общества, р. 61, д. 37а, л. 1–4.

⁶ Опубликовано по расшифровке архивной фонозаписи: ГАНО, ф. М.Н. Мельникова, Т-120. Записала Н.Ф. Глинская в 1979 г. в пос. Еловкино Черепановского района Новосибирской области от Ефимьи Аврамовны Млинович, 1894 г.р., уроженки деревни Лошницы Минской губернии. (Так рассказчица представила себя сама при записи (на магнитофон), в дневнике собирательницы эта исполнительница названа также Воронковой Евгенией Аврамовной.) Сообщается, что в Сибири она проживает с 1914 г.

⁷ Записала И.С. Буртаева в 1988 г. в г. Новосибирске от Воронцовой Акулины Агафоновны, 1909 г.р., уроженки Пензенской губернии.

⁸ Записано в 1982 г. в селе Гжатск Куйбышевского района Новосибирской области от Семенова Аникея. Текст представляет собой, по всей вероятности, самозапись, принадлежащую, как указано, Аникею Семенову.

⁹ Записал М.К. Азадовский в 1927 г. в селе Тунка в Прибайкалье от Дмитрия Савельевича Асламова. О творчестве Д.С. Асламова см.: [22. С. 10–21].

Примечательно, что наряду с двумя описанными выше разновидностями сюжетов восточнославянских повествований о Марко Богатом в сибирском бытовании известны отдельные варианты «смешанных» версий таких рассказов, которые сочетают элементы двух указанных разновидностей.

Один из таких вариантов – упоминавшаяся уже запись М.К. Азадовского, сделанная летом 1915 г. в селе Челпаново на реке Куленге, притоке верхней Лены [16. № 15]. Указанный текст, записанный от известной сибирской сказочницы Натальи Осиповны Винокуровой (1860–1930)¹, содержит особый – смешанный вариант двух описанных выше версий. Ее рассказ о богатом Марко начинается эпизодом «Марко на ночлеге», который был приведен нами выше и который, как уже было указано, сочетается только с сюжетной разновидностью «от судьбы не уйдешь». Однако в своем дальнейшем повествовании рассказчица наряду с «обязательными» эпизодами «лес» и «письмо» включает и эпизод «завод», как в вариантах второй разновидности сюжета («от судьбы не уйдешь»), и эпизод о чудесном путешествии к Змею (5), что соответствует первой его разновидности, а также эпизоды о бочке (в которой Марко бросает ребенка в *Ангару*), и монастыре (3). Сначала в рассказе следует эпизод «завод» (6), но он не заканчивается в версии сказительницы гибелью Марко (посланный с письмом на завод юноша задержан встреченным им на пути старичком, который велит ему сначала пойти в монастырь и отслужить обедню, а потом отправляться на «мыльный завод»; юноша следует этому совету, а придя на завод, застаёт там Марко, который едва не был брошен в котел сам, поскольку из-за своего нетерпения пришел на завод раньше отправленного им туда «наследника»). Это позволяет рассказчице продолжить повествование эпизодом о путешествии героя к трехглавому змею за данью. Повествование завершается тем, что Марко, который после возвращения зятя сам отправляется к Змею (выяснить, зачем тот отпустил зятя, а не съел его), остается вечным перевозчиком, а всё его имущество достается юноше, как и было предсказано.

Представляется, что рассказчице были известны обе сюжетные версии повествования, которые талантливая сказительница сумела объединить. Так получилась ее «авторская редакция» сказки. На то, что рассказчица пыталась объединить в одно повествование две разные сюжетные версии, в каждой из которых есть эпизод с письмом, указывает та подробность, что эпизод с письмом в ее рассказе оказывается повторенным дважды. Сначала с письмом герой отправляется на завод, встречает старичка, который меняет содержание письма, но далее это письмо и его содержание никакой роли не играют, об этой подробности забывается, она избыточна (тем более что приказ убить юношу, по версии Н.О. Винокуровой, Марко послал на завод телеграммой). Во второй раз Марко посылает зятя к себе домой с письмом, в котором приказывает жене убить его, юноша встречает старичка, который меняет текст письма, в результате юношу женят на дочери Марко, что

¹ Подробнее о рассказчице Н.О. Винокуровой см.: [23. С. 77–110].

соответствует сюжетной схеме повествования и его логике. Другие тексты с такой контаминацией эпизодов нам неизвестны. Исключение составляет вариант [24. № 3], записанный в 1986 г. Г.В. Афанасьевой в деревне Обхой Качугского района Иркутской области от Галины Александровны Шеметовой (1935 г.р.), которая эту сказку переняла от своей матери Раисы Егоровны Шеметовой, являющейся дочерью Н.О. Винокуровой. Таким образом, второй вариант, содержащий такое сочетание эпизодов, в прямом смысле генетически связан с авторской винокуровской редакцией.

Другой случай контаминации двух разновидностей сюжета о Марко находим в тексте, записанном Д.К. Зелениным в 1908 г. на Теченском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии от Филиппа Дементьевича Шешнева, 60 лет [25. № 63 (45)], о котором собирателем сообщено: «Он выслушал в детстве от отца много сказок, «понял» их (т.е. запомнил) и частью помнит теперь. Он согласился рассказать мне те сказки, которые лучше сохранились в его памяти» [Там же. С. 473].

Начальный эпизод повествования Ф.Д. Шешнева представлен вариантом «легенды о Христе», которая начинается у него словами: «Господь ходил по земле до Христова рождения». Эта форма вводного эпизода может сочетаться, напомним, с любой из двух указанных сюжетных разновидностей повествования, но только с одной. Рассказчик же постарался объединить две версии. Согласно этому рассказу первая попытка извести ребенка – заморозить, выбросив по дороге из повозки (2), спасают его ехавшие следом обозники. Далее следует эпизод о бочке и монастыре. Из монастыря Марко забирает мальчика и отправляет к себе домой с письмом (4), в котором велит жене сжечь его в огне. Встреченный по дороге старичок меняет текст письма, юношу женят на дочери Марко. Вернувшийся домой Марко отправляет нежеланного зятя к Солнышкиной Матери (5), якобы для того, чтобы узнать, сколько ему, Марко, «осталось веку». По дороге происходят встречи героя с чудесными персонажами, которые просят его узнать об их судьбе. Благополучно выполнив поручение, герой возвращается, причем не сообщается, какой ответ на вопрос Марко он принес, об этом даже не упоминается. Это указывает на то, что в данном изложении это эпизод притянутый, он не играет никакой роли в развитии сюжета, но, изменив исход эпизода о путешествии к Змею (Марко не отправляется к Змею сам и не становится вечным перевозчиком), Ф.Д. Шешнев свой рассказ продолжает и завершает эпизодом «завод» (6): Марко посылает зятя с поручением на салотопню, но дочь Марко не отпустила мужа, Марко сам идет на завод и, неузнанный, оказывается брошенным рабочими в салотопню. «Господь, что на роду написал, то и стало», – завершает рассказчик свое повествование. Таким образом, как и в предыдущем случае, в повествовании соединяются заключительные эпизоды двух разных версий, но, в отличие от Н.О. Винокуровой, окончательным рассказчик делает эпизод не о Змее, а о заводе.

Эти зафиксированные на территории Сибири контаминированные формы рассказов о Марко Богатом, которые можно рассматривать как автор-

ские версии сюжета АаTh 930, представляют особый интерес с точки зрения изучения механизмов народного творчества. Полагаем, процессы, в результате которых здесь могли оформиться такие неизвестные нам в записях других территорий контаминации, связаны с особенностями заселения края. В нем участвовали выходцы из самых разных регионов исторической России, все эти переселенцы легко могли занести сюда и сказки из самых разных местностей России. В результате сложился отличающийся разнообразием состав населения (с заметной пестротой местных говоров) и создались возможности для интенсивного обмена в области фольклорного репертуара переселенцев.

Очень важны в этом отношении приведенные собирателями о своих рассказчиках сведения. Так, о возможности знакомства с разными версиями рассматриваемого сюжета свидетельствует, например, сообщение М.К. Азадовского о его рассказчице Н.О. Винкуровой: «Сказки она перенимала, по ее собственным словам, *отовсюду: где от кого услышит*. Очевидно, некоторые сказки она слышала в городе (Иркутске. – В.К.), – но, главным образом, она перенимала сказки у «знающих людей» из местных жителей *и приезжих*» (курсив мой. – В.К.) [23. С. 78]. Другой собиратель – Д.К. Зеленин – указывает, что рассказчик, от которого им записан рассмотренный выше рассказ о Марко Богатом, Ф.Д. Шешнев, проживавший на Теченском заводе, населенном преимущественно выходцами из «окающих» губерний, сам он является уроженцем Нижне-Сергинского завода Красноуфимского уезда. Там он провел свое детство, а на Теченский завод приехал позднее, будучи молодым человеком. Родной для него Нижне-Сергинский завод был населен выходцами из южновеликорусских губерний (в основном, по предположению Зеленина, из Тульской), и жители его до сих пор, как отмечал исследователь, сохраняют окающий южновеликорусский говор. Рано оторванный от родной среды и давно живущий среди чистых окальщиков, Ф.Д. Шешнев усвоил оканье и акал, по наблюдениям собирателя, весьма редко (в основном, когда находился в состоянии аффекта, например, когда сердито кричал на своих внучат), см.: [25. С. 474]. Возможно, эти наблюдения Зеленина о проявлении в результате перемещения в другую территориальную, культурно-языковую среду в речи рассказчика особенностей разных говоров могут быть перенесены и на записанный от него рассказ, в котором оказались смешаны / контаминированы разные версии повествования. Одна из них была знакома ему по рассказу отца (о чем сообщалось выше), другая могла стать известна (с учетом указанных обстоятельств его жизни) при контактах – от носителей других традиций. В Сибири в ходе перемещения поселенцев из разных европейских территорий России процессы смешения традиций происходили интенсивнее.

Неизвестные нам в записях других территорий смешанные версии сибирских повествований о Марко Богатом приобретают особый интерес на фоне того обстоятельства, что сибирские варианты русских сказок, как было установлено исследователями, вообще имеют сильную тенденцию к

сюжетному контаминированию, см. [26. С. 73]. Обстоятельно этот вопрос исследован в работе Р.П. Матвеевой о контаминации как творческом процессе в сибирском сказительстве [26], где на большом фактическом материале анализируются возможные причины (как объективного, так и субъективного характера), вызывавшие изменения в сюжетно-композиционной структуре сибирской сказки. Однако при этом делается вывод, что данные обстоятельства *не являются всеобщим правилом* для всех локальных традиций Западной и Восточной Сибири. Что касается природы и механизма контаминаций в выявленных в сибирском бытовании повествованиях о Марко Богатом, то с уверенностью можно сказать, что они не являются произвольной «игрой фантазии» рассказчика – в составе этих повествований нет выдуманных, отсутствующих в фольклорной традиции мотивов. Не связаны эти контаминации и с забвением сюжета – воспроизведены все эпизоды двух версий. Объединение в одном рассказе двух заключительных эпизодов из двух разных сюжетных разновидностей повествования не могло произойти случайно, по забывчивости, оно могло быть только сознательным, так как, чтобы объединить их (поставить один за другим) в повествовании, нужно было изменить концовку предпоследнего эпизода в силу того обстоятельства, напомним, что заключительные эпизоды в двух разновидностях сюжета – «завод» в одном случае (когда богатый Марко гибнет на заводе) и «путешествие к Змею» в другом (когда Марко остается вечным перевозчиком на реке) функционально являются взаимоисключающими: оба эпизода завершаются устранением Марко.

Присутствие *двух* этих эпизодов в одном повествовании возможно, только если найти такой ход, чтобы один из эпизодов не завершился гибелью персонажа, что рассказчики, каждый по-своему, в меру своих сказительских умений и сделали, возможно, стремясь создать более полное и занимательное повествование. Из того факта, что сделали они это осознанно, следует, что *психологически* традиция над ними не довлела¹. Такая свобода в обращении с контаминациями и, как следствие, усложненность повествований стали результатом влияния «бродяжек» или поселенческой стихии в сибирском сказительстве, о котором писал еще М.К. Азадовский (см., например, [23. С. 80–83]) и которое особенно отчетливо, по его наблюдениям, сказалось именно в композиции сказок: «Сказка для поселенца – не только простая забава, не только средство развлечения, но и существенный момент добычи пропитания, в некоторой степени ремесло. Отсюда – необходимость придать сказке максимум занятости, забористости, остроумия. Отсюда <...> разнообразие и сложные сплетения сюжетов, обилие вводных эпизодов, разрастающихся до самостоятельного и самодо-

¹ Ср. с другой отмечаемой собирателями позицией фольклорного исполнителя: «В Баргузинской долине мы встретили великолепную в прошлом сказочницу, прошедшую хорошую сказительскую школу, М.З. Колмакову, которая отказалась рассказывать нам сказки, боясь невольного контаминирования: «А то прилепишь одну к другой перемешашь их. Надо одну рассказывать, так одну, не приклеивать из другой сказки» (запись 1981 г.)» [26. С. 79].

влюющего значения» [23. С. 82]. Если исполнителю в более традиционных условиях бытования фольклорного произведения надо было стараться рассказывать в рамках устойчивой традиции, ибо аудитория была постоянной, слушатели ожидали определенного развития действия, они тут же высказали бы недоверие, если бы сказочник повел повествование иначе, чем прежде, то бродячий сказочник менял аудиторию и поэтому, приспособившая сказку к конкретному моменту, не боялся создавать новый вариант.

Таким образом, на территории Сибири обнаруживаются, с одной стороны, те же сюжетные формы повествований о Марко Богатом (AaTh 930), что и в фиксациях европейской части России (два варианта связанного со славянскими представлениями о предопределении судьбы вводного эпизода таких рассказов («Марко на ночлеге» и «легенда о Христе в гостях у мужика») и две разновидности заключенного в них сюжета («от судьбы не уйдешь» и с эпизодом путешествия к Змею), при этом наблюдаются те же закономерности сочетания форм вводного эпизода с сюжетной разновидностью последующего повествования (начальный эпизод «Марко на ночлеге» может сочетаться только с разновидностью сюжета «от судьбы не уйдешь»; начальный эпизод «легенда о Христе» может сочетаться с разновидностью «от судьбы не уйдешь» и с разновидностью «со Змеем»). Наряду с этим в сибирском бытовании выявляются варианты особых – смешанных версий таких рассказов, которые сочетают элементы двух разных видов повествования. Эти зафиксированные на территории Сибири контаминированные формы рассказов о Марко Богатом можно рассматривать как авторские версии сюжета AaTh 930. Полагаем, что оформление таких неизвестных нам в записях других территорий контаминаций связано с особенностями заселения края. В нем участвовали выходцы из самых разных регионов исторической России, в результате сложились отличающийся пестротой и разнообразием состав населения и возможности для интенсивного обмена в области фольклорного репертуара переселенцев, смешения традиций. Контаминированные версии сюжета о Марко Богатом представляют особый интерес с точки зрения изучения механизмов народного творчества в Сибири, где, как отмечают исследователи, варианты русских сказок имеют сильную тенденцию к сюжетному контаминированию и усложненности повествований, ставших результатом влияния «бродяжьей» или поселенческой стихии в сибирском сказительстве, на которое указывал еще М.К. Азадовский.

Литература

1. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. 840 с.
2. *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева* : в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М. : Наука, 1985. Т. 2. 463 с.
3. *The Types of the Folktale. A classification and bibliography.* Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» / translated and enlarged by Stith Thompson. Second Revision. Helsinki, 1964. 588 s. [в статье – AaTh].
4. *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка* / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л. : Наука, 1979. 437 с. [в статье – СУС].

5. Кузнецова В.С. Рассказы славянской фольклорной Библии о Христе в гостях Марко Богатого: устные и книжные источники // Зборнік дакладаў і тэзісаў VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў» (Мінск, Беларусь, 24–25 лістапада 2016 года) : у 2 т. / гал. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск, 2017. Т. 2. С. 561–565.
6. Кузнецова В.С. Легенда о Христе в составе сказки о Марко Богатом: устные и книжные источники славянских повествований // Вестник славянских культур. 2017. № 4 (Т. 46). С. 122–134.
7. Сумцов Н.Ф. Сказки и легенды о Марке Богатом // Этнографическое обозрение. 1894. № 1 (кн. 20). С. 9–29.
8. Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. М., 1859. XXXII + 203 с.
9. Толстой Н.И. Суденицы // Славянская мифология : энцикл. сл. 2-е изд. М., 2002. С. 456–457.
10. Плотникова А.А., Седакова И.А. Судженицы // Славянские древности: этнолингв. сл. : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2014. Т. 5. С. 199–203.
11. Раденковић Љ. Народна предања о одређивању судбине: словенске паралеле // Жива реч. Зборник у част проф. др Наде Милошевић-Ђорђевић. Београд, 2011. С. 511–534.
12. Бурић Д. Народна веровања и предања о одређивању судбине у Шумадији // Годиншак Катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима за школску 2014/2015 годину. Година X. Београд, 2015. С. 161–171.
13. Кузнецова В.С. Разновидности сюжета о Марко Богатом (AaTh 930) в восточно- и южнославянских записях // Вестник славянских культур. 2019. № 2 (Т. 52). С. 104–116.
14. Матвеева Р.П. Сюжетный состав русских волшебных-фантастических сказок Сибири // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 5–55.
15. Кузнецова В.С. О сюжетных разновидностях сказки о Марко Богатом (AaTh 461) в русских сибирских записях // I Сибирский форум фольклористов : тез. докл. Новосибирск, 2016. С. 56–58.
16. Азадовский М. Сказки Верхнеленского края. Иркутск : Вост.-Сиб. отд. Русского географического общества, 1925. XLVIII + 144 с.
17. Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества / изд. А.М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1–2. 991 с.
18. Русские сказки Забайкалья / подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В.П. Зиновьева ; вступ. ст. В.Г. Распутина. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 352 с.
19. Сказки, записанные В.Ф. Булгаковым в 1905 г. в с. Бердском // Записки Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отд. Русского географического общества по этнографии. Т. 1, вып. 2 / под ред. Г.Н. Потанина. Томск, 1906. С. 85–183.
20. Кузнецова В. Беларускі сібірскі запіс казкі пра Марка Багатага (AaTh 930) і ўсходне славянскія разнавіднасці гэтага сюжэта // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2018. Вып. 5. С. 105–118.
21. Сказки, пословицы, загадки : сб. устного народного творчества Омской области [По записям фольклорной экспедиции Ом. пед. ин-та] / ред., подгот. текстов и сост. В.А. Василенко. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1955. 179 с.
22. Сказки Дмитрия Асламова / сост., предисл. и коммент. Е.И. Шастиной ; подгот. текстов Е.И. Шастиной, Г.В. Афанасьевой. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 256 с.
23. Азадовский М.К. Сибирская сказочница Н.О. Винокурова // Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 62–110.
24. Рождественская ночь : сказки, былички, заговоры / сост., предисл., очерки, подгот. текстов и коммент. Г.В. Афанасьевой-Медведевой. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 416 с.

25. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии : сб. М. : Правда, 1991. 544 с.

26. Матвеева Р.П. Контаминация как творческий процесс в сибирском сказительстве (на материале волшебных сказок) // Русский фольклор Сибири: Элементы архитектуры. Новосибирск, 1990. С. 73–93.

East Slavic Varieties of the Plot about Marko the Rich (AaTh 930) in Siberian Texts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 60. 168–182. DOI: 10.17223/19986645/60/11

Vera S. Kuznetsova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vera_kuznetsova@mail.ru

Keywords: East Slavic folklore, legends of fate, predetermination of fate, Siberian texts.

The article presents the results of a study of East Slavic Siberian texts of a folk narrative about Marko the Rich (AaTh 930): predictions (which later came true) to the rich man that his successor and future son-in-law was to be a poor-man's son and the following attempts of the rich man to eliminate the threat. This plot is well known in the East Slavic folk tradition (Comparative Catalogue of Plots 930=461), it is also a popular narrative in Siberia. The author compared the revealed Siberian texts (published and archival) with the previously examined variants from the European territory of historical Russia. She found two forms, associated with Slavic notions of predestination of fate, of the introductory episode in such narratives ("A Legend about Christ Visiting a Muzhik" and "Marko on a Lodging for the Night"); two varieties of their plot ("there is no flying from fate" and a variant with an episode of traveling to the Serpent); and regularity in the combination of the forms of the introductory episode and the variants of the plot of the subsequent narration (the initial episode "Marko on a Lodging for the Night" can be combined only with a variation of the plot "there is no flying from fate"; the initial episode "A Legend about Christ" can be combined with the variation "there is no flying from fate" and with the variation with the Serpent). Siberian texts have variants of special – "mixed" – versions of such stories; they combine elements of two different types of narration. This Siberian mixed form of the stories about Marko the Rich can be considered as the author's version of plot AaTh 930. The emergence of this version, unknown from the records of other territories, is associated with the peculiarities of the settlement of the region. Settlers were people from different regions of historical Russia. As a result, the new settling population was diverse; people could exchange their folklore repertoire and mix traditions. This is confirmed by information the collectors reported about their narrators. The blended versions of the story about Marko the Rich are of special interest from the standpoint of the study of folk art mechanisms in Siberia where, as researchers note, variants of Russian folk tales have a strong tendency of blending and complicating narratives, which is a result of the influence of the "vagabond" or new settler element in the Siberian storytelling as stated by M.K. Azadovsky.

References

1. Afanas'ev, A.N. (1869) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature]. Vol. 3. Moscow: Izdaniye K. Soldatenkova.

2. Barag, L.G. & Novikov, N.V. (eds) (1985) *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva* [Folk Russian Fairy Tales by A.N. Afanasyev]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

3. Thompson, S. (1964) *The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen"*. Translated and enlarged by Stith Thompson. 2nd rev. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.

4. Barag, L.G. et al. (1979) *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka* [Comparative Index of Plots: East Slavic Tale]. Leningrad: Nauka.

5. Kuznetsova, V.S. (2017) [Tales of the Slavic Folklore Bible about Christ as a Guests of Marco Bogaty: Oral and Book Sources]. *Tradytsyi i suchasny stan kul'tury i mastatstvav* [Traditions and Current State of Culture and Arts]. Proceedings and Abstracts of International Conference. Vol. 2. Minsk, Belarus. 24–25 November 2016. Minsk: The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences. pp. 561–565. (In Russian).
6. Kuznetsova, V.S. (2017) Legend of Christ within the Folktale about Marko the Rich: Oral and Book Sources of Slavic Narratives. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 4 (46). pp. 122–134. (In Russian).
7. Sumtsov, N.F. (1894) Skazki i legendy o Marke Bogatom [Tales and Legends of Mark the Rich]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1 (20). pp. 9–29.
8. Afanas'ev, A.N. (1859) *Narodnye russkie legendy, sobrannye A.N. Afanas'evym* [Russian Folk Legends Collected by A.N. Afanasyev]. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Komp.
9. Tolstoy, N.I. (2002) Sudenitsy [Sudenitsy]. In: Tolstaya, S.M. et al. (eds) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. pp. 456–457.
10. Plotnikova, A.A. & Sedakova, I.A. (2014) Sudzhenitsy [Sudzhenitsy]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. pp. 199–203.
11. Radenkovich, L' (2011). Narodna predan'ya o odredzhivan'yu sudbine: slovenske paralele [Folk Legends about the Definition of Destiny: the Slavic Parallels]. In: Detelich, M. & Samardzhija, S. (eds) *Zhiva rech. Zbornik u chast prof. d-r Nade Miloshevich-Dzhordzhevich* [Living Word. Collection in Honour of Professor Dr. Nade Milosevic-Djordjevic]. Belgrade: Balkanoloski institut SANU: Filoloski fakultet. pp. 511–534. (In Serbian).
12. Dzhurich, D. (2015) Narodna verovan'ya i predan'ya o odredzhivan'yu sudbine u Shumadii [Folk Beliefs and Legends about the Definition of Destiny in the Region of Šumadija]. In: *Godishnyak Katedre za srpsku knizhevnost sa yuznoslovenskim knizhevnostima za shkolsku 2014/2015 godinu* [Yearbook of the Department of Serbian and South Slavic Literature for 2014/2015]. Belgrade: University of Belgrade. pp. 161–171. (In Serbian).
13. Kuznetsova, V.S. (2019) Versions of the Plot about Marko the Rich (AaTh 930) in the East- and South Slavic Texts. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2 (52). pp. 104–116. (In Russian).
14. Matveeva, R.P. (1985) Syuzhetnyy sostav russkikh volshebno-fantasticheskikh skazok Sibiri [The Plot of the Russian Fairytales of Siberia]. In: *Lokal'nye osobennosti russkogo fol'klora Sibiri* [Local Features of Siberian Russian Folklore]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 5–55.
15. Kuznetsova, V.S. (2016) [On the Plot Varieties of the Tale of Marco the Rich (AaTh 461) in Russian Siberian Records]. *I Sibirskiy forum fol'kloristov* [1st Siberian Forum of Folklorists]. Abstracts. Novosibirsk. 7–11 November. Novosibirsk: Akademizdat. pp. 56–58. (In Russian).
16. Azadovskiy, M. (1925) *Skazki Verkhnelenskogo kraya* [Tales of the Upper Lena Region]. Irkutsk: Vost.-Sib. otd. Russkogo geograficheskogo obshchestva.
17. Smirnov, A.M. (1917) *Sbornik velikoruskikh skazok Arkhiva Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Collection of Russian Tales of the Russian Geographical Society Archive]. Vols 1–2. Petrograd: Tip. Ros. Akad. Nauk.
18. Zinov'eva, V.P. (1983) *Russkie skazki Zabaykal'ya* [Russian Tales of Transbaikalia]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
19. Potanin, G.N. (ed.) (1906) Skazki, zapisannyye V.F. Bulgakovym v 1905 g. v s. Berdskom [Tales recorded by V.F. Bulgakov in 1905 in the Berdskoye village]. *Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vost.-Sib. otd. Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii*. 1(2). pp. 85–183.
20. Kuznyatsova, V. (2018) Byelaruski sibirski zapis kazki pra Marka Bahataha (AaTh 930) i wskhodnye slavyanskiya raznavidnastsi hetaha syuzheta [Belarusian Siberian recording

of the Tale of Marko the Rich (AaTh 930) and East Slavic Versions of the Plot]. *Byelaruski fal'klor: Materyyaly i daslyedavanni*. 5. pp. 105–118. (In Belarusian).

21. Vasilenko, V.A. (ed.) (1955) *Skazki, poslovitsy, zagadki: sb. ustnogo narodnogo tvorchestva Omskoy oblasti* [Tales, Proverbs, Riddles: Omsk Region Folklore Collection]. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

22. Shatina, E.I. (ed.) (1991) *Skazki Dmitriya Aslamova* [Dmitry Aslamov's Tales]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.

23. Azadovskiy, M.K. (1978) *Stat'i i pis'ma: Neizdannoe i zabytoe* [Articles and Letters: Unreleased and Forgotten.]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 62–110.

24. Afanaseva-Medvedeva, G.V. (ed.) (1994) *Rozhdestvenskaya noch': skazki, bylichki, zagovory* [Christmas Night: Tales, Bailichkas, Zagowory]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.

25. Zelenin, D.K. (1991) *Velikorusskie skazki Permskoy gubernii* [Russian Tales of Perm Guberniya]. Moscow: Pravda.

26. Matveeva, R.P. (1990) Kontaminatsiya kak tvorcheskij protsess v sibirskom skazitel'stve (na materiale volshebnykh skazok) [Contamination as Creative Process in Siberian Storytelling (on the Material of Fairy Tales)]. In: Matveeva, R.P. (ed.) *Russkiy fol'klor Sibiri: Elementy arkhitektoniki* [Russian Folklore of Siberia: Elements of Architectonics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 73–93.